

ШАРАД ЧАРИ

Руины апартеида

Сопротивление и надежда
в эпоху расового угнетения

УДК 94(680).06
ББК 63.3(67)
Ч20

Sharad Chari
APARTHEID REMAINS

Опубликовано с согласия Duke University Press (США)
via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Россия)

Перевод с английского *Полины Борисовой*

Научный редактор *Христофор Космидис, историк*

Чари Ш.

Ч20 Руины апартеида : Сопротивление и надежда в эпоху расового угнетения / Шарад Чари ; [пер. с англ. П. А. Борисовой]. — М.: КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 576 с. : ил.

ISBN 978-5-389-25701-6

Режим апартеида в ЮАР официально пал. Но что, если он просто сменил форму, незримо встроившись в ткань южноафриканских городов: в планировку районов, повседневные маршруты и даже в химический состав воздуха, которым дышат люди? Книга географа и историка Шарада Чари — путешествие в самое сердце реальности, насквозь пропитанной неравенством: в промышленные кварталы прибрежного Дурбана, где экологическое насилие и расовая дискриминация сплетаются воедино. Как местные сообщества живут и сопротивляются несправедливости на отравленной земле? Чему их стойкость может научить весь мир, столкнувшийся с кризисом позднего капитализма? Это злободневный и поучительный рассказ о том, как история воплощается в наших телах и в окружающем нас пространстве, и как даже в самых темных руинах может родиться образ иного, свободного будущего.

УДК 94(680).06
ББК 63.3(67)

ISBN 978-5-389-25701-6

© Duke University Press, 2024
© Борисова П. А., перевод на русский язык, 2026
© Космидис Х. Г., предисловие, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

ОСТАВШИЕСЯ РУИНЫ АПАРТЕИДА¹

Предисловие научного редактора

Руины, которые мы видим

Если встать на крыльце дома на Вудвилл-роуд в вентвортском районе Аустервилл и посмотреть на север, то за полем откроется панорама промышленной зоны Джейкобс: инженерные цеха, трубы, эстакады. Нефтеперерабатывающие заводы отсюда не видны, но они есть — два гиганта, Engen (бывший Mobil, теперь принадлежащий малайзийской Petronas) и НПЗЮА (объединение Shell и BP), а рядом целлюлозно-бумажный комбинат Mondi, мусороперерабатывающий завод. Все это скопление промышленной инфраструктуры — не случайность и не «естественное» расположение. Оно произведено. Произведено более чем столетней историей расового капитализма, который помещал одни сообщества рядом с источником загрязнения и держал другие на безопасном расстоянии.

Когда Шарад Чари впервые приехал в Южный Дурбан в 2001 г., 53 % учеников начальной школы поселенцев в Меребанке, зажатой между двумя нефтеперерабатывающими заводами, страдали астмой и другими респираторными заболеваниями, причем 26 % — хрони-

¹ Апартеид — официальная государственная политика расовой сегрегации, проводившаяся в ЮАР с 1948 по 1994 г. Предполагала жесткое территориальное и социальное разделение населения на расовые группы и узаконенную дискриминацию небелого большинства. В переводе с *африкаанс* означает «раздельность».

ческой астмой. Исследователи из Медицинской школы Университета Натала и Школы общественного здравоохранения Мичиганского университета построили динамическую модель воздушных потоков и установили, что 85 % выбросов диоксида серы приходились на три местные корпорации [1]. Муниципалитет и корпорации оспорили результаты. В 2000 г. журналист Тони Карни писал о «раковом кластере» в Меребанке: уровень детской лейкемии здесь был на 24 % выше среднего по стране — и сравнивал Южный Дурбан с «Раковой аллеей» в Луизиане [2]. Официальных рецензируемых исследований проведено не было. Департамент здравоохранения не собирал статистику долгосрочного воздействия промышленных выбросов на население ни при апартеиде, ни после него.

Одна из жительниц Вентворта, которую Чари называет Джейн, подвела итог этого положения дел с обжигающей точностью: «Меня не заботит природа. Дайте подышать воздухом!» [3] В этой фразе не равнодушие к экологии, а отказ от языка, который сводит системную проблему к «охране природы». Джейн не просила чистых парков или зеленых зон. Она требовала самого элементарного: воздуха, чтобы дышать. Ее слова — отдаленное эхо «Я не могу дышать» Эрика Гарнера, задушенного полицией в Нью-Йорке в 2014 г. [4]. Между Вентвортом и Статен-Айлендом заметна структурная общность: расовый капитализм помещает тела в определенные пространства и затем отказывается регистрировать причиняемый им вред.

Книга Шарада Чари «Руины апартеида» предлагает читать Южный Дурбан не как «промышленную зону» и не как «проблемный район», а как палимпсест — многослойный пространственный текст, в котором руины Англо-бурской войны 1899–1902 гг., сегрегация 1920-х, Закон о групповых территориях 1950-х, вооруженная борьба 1980-х и экологическая мобилизация 2000-х — слои одного и того же ландшафта. Концентрационные лагеря, построенные британцами для бурских женщин и детей, — это та же земля, на которой потом возникли «цветные» кварталы Вентворта, на которой десятилетиями дымили нефтеперерабатывающие заводы и где женщины, подобно Джейн, занимали пустующие квартиры, потому что больше не могли терпеть.

Этот подход радикально отличается от привычной историографии апартеида. Историки обычно пишут хронологически: 1948 — приход к власти Национальной партии, 1960 — Шарпевиль, 1976 — Соуэто, 1990 — освобождение Манделы, 1994 — первые демократические выборы. Эта хронология создает иллюзию направленного движения — от

тьмы к свету, от угнетения к свободе. Чари не отрицает эту историю, но показывает ее недостаточность. Если смотреть только на даты и политические события, невозможно понять, почему спустя много лет после падения апартеида Южная Африка остается одной из самых социально неравных стран мира, почему токсичные выбросы по-прежнему отравляют тех, кто живет рядом с заводами, и почему «руины» — не метафора прошлого, а материал настоящего.

Книга Чари — археология этих руин. Она показывает, что пространственное наследие апартеида не исчезло с изменением политического строя, потому что пространство не декретируется, а производится: десятилетиями инвестиций, планирования, зонирования, принудительных переселений — и десятилетиями сопротивления. Понять апартеид — значит понять, как производилось его пространство. Понять постапартеидную Южную Африку — значит увидеть, как это пространство продолжает определять жизнь людей. Именно это и делает книга, которую читатель держит в руках.

Шарад Чари — географ

Шарад Чари не историк апартеида. Это утверждение стоит прояснить с самого начала, потому что жанровые ожидания могут обмануть: книга, которую вы держите в руках, выглядит как историческое исследование: с архивными ссылками, устными интервью, хронологическими рамками, но метод, которым она написана, принадлежит не истории, а географии. Точнее, критической человеческой географии, дисциплине, для которой пространство не фон, на котором разворачиваются события, а активная сила, формирующая социальные отношения и формируемая ими.

Чари — профессор географии в Калифорнийском университете в Беркли. Его академический путь необычен для специалиста по Южной Африке: PhD по географии в Беркли (2000), постдок в области антропологии и истории в Мичиганском университете (2000–2003), преподаватель географии в Лондонской школе экономики (2004–2012), затем — ассоциированный профессор антропологии и Центра индийских исследований в Африке при Витватерсрандском университете в Йоханнесбурге (2013–2016), и наконец — возвращение в Беркли. Его исследовательские интересы охватывают «расовый капитализм, постколониальность и постсоциализм, океанический капитализм, глобальные черные исследования (global Black Studies), черноту и субал-

терность» [5]. Уже этот перечень — нетипичный для историка, особенно для российского научного поля.

Первая книга Чари, «Братский капитал: крестьяне-рабочие, выбившиеся в люди, и глобализация в провинциальной Индии» (*Fraternal Capital: Peasant-Workers, Self-Made Men, and Globalization in Provincial India*, 2004), была посвящена аграрным корням индустриального города в Южной Индии — то есть тому, как крестьянские общины становились рабочими, сохраняя при этом связи с землей [6]. Это исследование показывает ключевую черту мышления Чари: внимание к тому, как капитализм трансформирует пространства, но никогда не стирает предыдущие слои полностью. В 2023 г. вышла «Грамши¹ на море» (*Gramsci at Sea*) — небольшая, но амбициозная книга, в которой Чари перечитывает Грамши через океаническую оптику, протягивая нить от средиземноморской мысли антифашистского интеллектуала к Индийскому океану как пространству антиколониальной борьбы [7]. А в 2024 г. появились «Руины апартеида» (*Apartheid Remains*) — книга, которую вы сейчас читаете.

Объединяет эти работы не «региональная специализация» (Индия, Индийский океан, Южная Африка), а метод: Чари читает пространство как историю настоящего, пытаясь понять, как прошлое продолжает действовать в материальности ландшафтов, зданий, выбросов, тел. Его география — это не картография и не ГИС-анализ; это то, что он сам называет «земным письмом» (*earth-writing*), — попытка прочесть земную поверхность как текст, в котором записаны отношения власти [8].

Интеллектуальная генеалогия Чари определяется тремя линиями, которые сплетаются в «Руинах апартеида» в единый узел. Первая — марксистская политическая экономия пространства, идущая от Анри Лефевра через Дэвида Харви. Лефевр показал, что пространство производится социальными отношениями; Харви добавил к этому теорию «пространственной коррекции» — попыток капитализма разрешить свои кризисы через географическую экспансию и реорганизацию [9].

¹ Антонио Грамши (1891–1937) — итальянский философ-марксист и теоретик. Большую часть своих главных трудов (знаменитые «Тюремные тетради») он создал в заключении при фашистском режиме Муссолини. Грамши ввел важнейшее для современных социальных наук понятие культурной гегемонии — невидимой власти, через которую господствующий класс навязывает обществу свое мировоззрение как естественную норму. Он также одним из первых начал активно концептуализировать термин «субалтерные (подчиненные) классы», который стал базовым в постколониальных исследованиях.

Чари усваивает этот аппарат, но показывает его недостаточность: ни Лефевр, ни Харви не сделали расу центральной категорией анализа.

Вторая линия — черный марксизм, прежде всего Седрик Робинсон и его концепт «расового капитализма». В своем *magnum opus* «Черный марксизм: Создание черной радикальной традиции» (*Black Marxism: The Making of the Black Radical Tradition*, 1983) Робинсон показал, что капитализм не был нейтральной экономической системой, «испорченной» расизмом: расизм был встроен в него с самого начала, от Крестовых походов и португальской колонизации до трансатлантической работорговли [10]. Марксизм как теория, утверждал Робинсон, не способен объяснить опыт черного освобождения, потому что он остается европоцентричным; для этого нужна отдельная «черная радикальная традиция», прослеживаемая через Дюбуа, Джеймса и Райта. Робинсон дает Чари то, чего нет у Харви: понимание, что расовое пространство — не надстройка над экономикой, а ее фундаментальная часть.

Третья линия — Рут Уилсон Гилмор¹ и ее «Золотой ГУЛАГ: Тюрьмы, избыток, кризис и оппозиция в глобализирующейся Калифорнии» (*Golden Gulag: Prisons, Surplus, Crisis, and Opposition in Globalizing California*, 2007). Гилмор — ключевая фигура для Чари: она берет теорию кризисов Маркса–Харви и перечитывает ее через призму расового капитализма Робинсона, показывая, как калифорнийский тюремный бум был «пространственным решением» четырех кризисов — избытка капитала, избытка земли, избытка рабочей силы и избытка государственного потенциала [11]. Но Гилмор не останавливается на структурном анализе: она показывает, как «Матери возвращают наших детей» (*Mothers ROC*) — организация женщин, чьи сыновья были заключены в тюрьмы, — создает новые формы солидарности, которые отказываются от логики расово-пространственной коррекции. Именно этот ход — от структурного анализа к активному субъекту — делает Гилмор для Чари моделью политического письма.

Три эти линии — Лефевр и Харви, Робинсон, Гилмор — образуют метод, который Чари применяет к Южному Дурбану: капитализм ищет пространственное разрешение своих кризисов (Харви), но это разрешение всегда расово (Робинсон), и оно всегда порождает сопротивление, которое использует произведенные различия для создания

¹ Рут Уилсон Гилмор (р. 1950) — американская исследовательница-марксистка и географ. Известна как ведущий критик расового капитализма и тюремно-промышленного комплекса США. Ее труд «Золотой ГУЛАГ» (*Golden Gulag*) стал особо известен в среде современного аболиционизма.

новой солидарности (Гилмор). Чари добавляет к этому четвертый элемент: биополитику Фуко и феминистскую критику (Хассим, Маккиттрик), показывая, что борьба за пространство — это борьба за жизнь, за право дышать, за здоровье детей.

Важно понимать: Чари не «применяет теорию к эмпирике». Его метод прямо противоположен: он начинает с конкретного, с Джейн на крыльце в Вентворте, с исследований астмы у школьников Меребанка, с интервью с бывшими бойцами Умконто — и из этого конкретного выводит теоретические ходы. Теория для него не рамка, которую накладывают на материал, а язык, который вырастает из него. Именно поэтому книга перегружена деталями, именами, датами, и именно поэтому в ней так много Фанона¹. Чари не цитирует Фанона как авторитет, а пытается думать вместе с ним, иногда плодотворно, иногда — впадая в то, что можно назвать «фаноновским жестом» (об этом чуть позже).

Книга Чари занимает свое место в новом поколении исследований, связывающих черные исследования (black studies) с человеческой географией. Вместе с Кэтрин Маккиттрик, которая показывает, как черные женщины производят альтернативные пространственные знания, «невидимые» для доминирующей картографии [12], и со Стефано Харни и Фредом Мотеном, описывающими «ускользающее планирование» (fugitive planning) и черные исследования как альтернативные формы знания, существующие вне формальных институтов [13], — Чари создает географию, которая начинается не с карты, а с тел, проживающих пространство.

Для русскоязычного читателя эта интеллектуальная генеалогия может показаться далекой, но лишь до тех пор, пока мы не вспомним, что Россия была частью этой истории. Советский Союз, через Коминтерн и прямую поддержку АНК, участвовал в формировании того самого ландшафта борьбы, который Чари описывает. Связь между Грамши — теоретиком гегемонии, писавшим из фашистской тюрьмы, — и антиапартеидным движением в Южной Африке — факт, который мы рассмотрим ниже.

¹ Франц Фанон (1925–1961) — франкоязычный философ родом с Мартиники. Один из самых влиятельных теоретиков антиколониализма и деколонизации XX в., автор революционного труда «Проклятием заклеянные» (фр. «Les Damnés de la Terre»). В своих работах исследовал психопатологию колонизации и разрушительное влияние расизма на человеческую психику.

Апартеид как расовый капитализм: историографический контекст

Чтобы понять, что именно делает книга Чари нового, нужно представлять себе, как писали историю апартеида до него. Южноафриканская историография — одна из самых богатых и политически ангажированных в африканистике, и за полвека она прошла несколько радикальных поворотов, каждый из которых наложил отпечаток на то, что мы сегодня знаем и чего не знаем об апартеиде.

Либеральная ортодоксия и ее критика. До 1970-х гг. в англоязычной историографии Южной Африки доминировала либеральная школа: апартеид понимался как «иррациональная» политика расовой дискриминации, навязанная идеологически мотивированным африканерским национализмом поверх нормально функционирующей рыночной экономики. Расизм — «предрассудок»; апартеид — «ошибка»; решение — «интеграция». Эта рамка, унаследованная от Уильямса, Макмиллана и де Кивит, рассматривала расовые барьеры как препятствия для свободного рынка, а не как его составную часть.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. эта оптика была сокрушена группой историков-марксистов, работавших преимущественно в британских университетах. Мартин Легассик — один из основоположников «ревизионистской» школы — показал, что сегрегация не была навязана африканерским национализмом извне: она выросла из внутренней логики южноафриканского капитализма, из потребности горнодобывающей промышленности в контроле над рабочей силой [14]. Фредерик Джонстон в книге «Класс, раса и золото» (1976) пошел дальше: он показал, что расовая дискриминация на золотых приисках была не «предрассудком», а классовой стратегией, при которой горнопромышленный капитал использовал расовые различия для разделения рабочих и удержания заработной платы на минимальном уровне [15]. Стэнли Трапидо — историк, работавший тогда в Оксфорде, — предложил читать южноафриканскую историю в сравнительной перспективе: не как уникальную «расовую проблему», а как вариант индустриализации, в котором классовые, этнические и национальные разломы совпадают, усиливая друг друга [16].

Вершиной этого ревизионистского поворота стала статья Гарольда Вольпе «Капитализм и дешевая рабочая сила в Южной Африке: от сегрегации к апартеиду» (1972) [17]. Вольпе показал, что южноафри-

канский капитал нуждался в дешевой рабочей силе, а дешевизна этой рабочей силы обеспечивалась тем, что африканские мигранты воспроизводились в резервациях — докапиталистических хозяйствах, где семья рабочего содержала себя сама. Капитал платил работнику только за его рабочее время, а содержание семьи, воспитание детей, уход за стариками — все это брала на себя «традиционная экономика» резерваций. Когда же резервации начали разрушаться под давлением урбанизации, система дешевой рабочей силы рухнула — и апартеид стал новым, уже государственно-принудительным способом обеспечить капитал той же дешевизной. Заслуга Вольпе в том, что он связал расизм с капиталистической эксплуатацией, показав, что это не две разные проблемы, а одна.

Статья Вольпе породила долгую дискуссию. Шула Маркс и Стэнли Трапидо в совместной редакторской работе «Политика расы, класса и национализма в Южной Африке XX века» (1987) собрали поколение исследователей, показавших, что классовые и расовые идентичности в Южной Африке не были заданы изначально — они конструировались, оспаривались и переконструировались в ходе политической борьбы [18]. Колин Банди в «Расцвете и падении южноафриканского крестьянства» (1979) — одной из самых влиятельных книг о Южной Африке — показал, что африканские крестьяне активно приспосабливались к рынку, добивались успехов, а затем были систематически разорены государственной политикой, направленной на обеспечение горнодобывающей промышленности дешевой рабочей силой [19]. Крестьянство, показал Банди, было не «отсталым» — оно было уничтожено.

Бен Файн и Заварех Рустомджи в книге «Политическая экономия Южной Африки» (1997) пошли дальше Вольпе, введя понятие минерально-энергетического комплекса (МЭК) [20]. МЭК — это специфическая структура южноафриканского капитализма, в которой золотодобыча, уголь, алмазы, нефтехимия и энергетика доминируют над всеми остальными секторами и определяют траекторию развития страны. МЭК управляется внешними рынками, и именно он — а не абстрактный «капитализм» — сформировал пространственную организацию Южной Африки. Для понимания Дурбана концепт МЭК ключевой: нефтеперерабатывающие заводы, портовая инфраструктура, химические предприятия, целлюлозно-бумажный комбинат Mondi — все это звенья одной цепи. Именно МЭК поместил заводские трубы

рядом с домами Вентворта и Меребанка — не потому, что кто-то «ненавидел» жителей, а потому, что так было дешевле.

Дебора Посел в «Создании апартеида, 1948–1961» (1991) разрушила еще один миф — миф о «великом плане» [21]. Она утверждает, что воспринимать апартеид как единую программу, спущенную сверху партией африканеров, некорректно. Это был результат сложных компромиссов внутри государственного аппарата, где белые капиталисты, черный рабочий класс и народные движения оказывали разное — и неравномерное — давление. Посел выявила два этапа: «практический апартеид» до середины 1950-х, когда государство еще делало уступки экономическим реалиям, и «большой апартеид» после, когда идеологическая догма взяла верх. Важно, что Посел изучала эти процессы через контроль притока населения (*influx control*) — то есть через пространственный механизм, хотя сама оставалась в рамках политической истории.

Сол Дубоу в своей фундаментальной книге «Апартеид, 1948–1994» (2014) дал наиболее полную на сегодняшний день переоценку системы [22]. Дубоу опровергает линейные нарративы — расовая сегрегация не «неизбежно» привела к апартеиду. Он подчеркивает идеологические и интеллектуальные корни режима: апартеид опирался не только на прагматику дешевой рабочей силы, но и на целое мировоззрение — расовую онтологию, религиозно обоснованные представления об «избранном народе», социал-дарвинистские теории. В более ранней работе «Научный расизм в современной Южной Африке» (1995) Дубоу показал, как сегрегационная идеология черпала легитимность из квазинаучных концепций расы, распространенных в академических и политических кругах на протяжении десятилетий [23].

Городская история Южной Африки — отдельная и все еще недооцененная ветвь историографии. Билл Фройнд, один из самых плодотворных историков Южной Африки, в «Африканском городе: история» (2007) и «Южной Африке XX века: история развития» (2019) предложил синтетический взгляд на урбанизацию, в которой расовое зонирование играло центральную, но не единственную роль [24]. Его ранняя книга «Свои и чужие: индийский рабочий класс Дурбана, 1910–1990» (1995) — ключевой текст для понимания именно того пространства, о котором пишет Чари: Фройнд демонстрирует, как индийские рабочие Дурбана, потомки кабальных «контрактников», создали уникальную рабочую культуру, сочетавшую профсоюзный активизм, религиозную общинность и политическую мобилизацию [25].

Мейнард Свансон — особенно важное имя для автора этой книги. В статье 1968 г. «Дурбанская система»: корни городского апартеида в колониальном Натале» он показал, что городская сегрегация в Дурбане возникла не с апартеидом и не с союзом Южной Африки в 1910 г. — она восходит к концу XIX века, когда колониальные власти Натала использовали санитарную политику (борьбу с чумой) как предлог для выселения африканского и индийского населения из центральных районов города [26]. «Дурбанская система» — санитарная сегрегация — стала прообразом того, что позже стало Законом о групповых территориях. Чари работает в пространстве, впервые описанном Свансоном, но на полвека позже и с другим теоретическим инструментарием.

Расовый капитализм и черная радикальная традиция. Все перечисленные работы — Легассик, Джонстон, Вольпе, Файн, Посел, Дубоу — оставались в рамках марксистской или либеральной парадигмы: класс, капитал, государство. Про книгу Седрика Робинсона «Черный марксизм» и то, как она сломала устоявшийся либеральный дискурс, я уже писал выше [27]. Не стоит недооценивать ее и в контексте историографии вопроса, но были и другие значительные авторы, предлагавшие альтернативные подходы.

Так, Ашиль Мбембе, камерунский философ, работающий в Йоханнесбурге, в статье 2003 г. предложил концепт «некрополитики» — власти над смертью как логического развития фукоистской биополитики [28]. Мбембе показывает, что колониальный режим реализует «управление смертью»: определяет того, кто может быть убит безнаказанно, чья смерть «не считается», чье тело может быть использовано как сырье. Для понимания апартеида и его остатков некрополитика Мбембе релевантна не менее, чем биополитика Фуко: оба режима власти работают одновременно, и Вентворт — место, где это видно особенно отчетливо.

Географ Джиллиан Харт в книге «Отключая глобализацию: места власти в постапартеидной Южной Африке» (2002) демонстрирует, что постапартеидное неравенство нельзя объяснить ни «наследием апартеида» (слишком пассивно), ни «глобализацией» (слишком абстрактно) [29]. Харт сравнила два города в Квазулу-Натал — один с тайваньскими инвестициями, другой без — и показала, что глобальные процессы работают через локальные структуры власти, которые сами являются продуктом расового капитализма. Ее концепт «разобщения» (disarticulation) политических прав без экономического перераспределения прямо предвосхищает то, что Чари находит в Южном Дурбане. Исследовательница Ширин Хассим в «Женских организациях и демо-

кратии в Южной Африке» (2006) добавила гендерное измерение к постапартеидной критике: переход к демократии был «гендерным контрактом», в котором женщины получили формальные политические права, но их материальные требования: жилье, здравоохранение, уход за детьми — были систематически отодвигаемы [30].

Все эти работы — либеральные и марксистские, политико-экономические и культурные, дореформенные и постапартеидные — составляют фундамент современного понимания. Но в них есть общее ограничение: пространство в них присутствует, но как фон, как контекст, как «обстоятельство». Вольпе пишет о резервациях, но не о том, как они были пространственно устроены. Посел рассказывает о контроле притока, но не о том, как этот контроль переписал городскую ткань. Дубоу акцентирует внимание на идеологии, но не ее материальном воплощении в ландшафте. Фройнд рассуждает об индийских рабочих Дурбана, но не о токсичных выбросах рядом с их домами. Харт оказалась ближе всех к пространственному анализу, но и она работает на макроуровне сравнительной политической экономии, а не на микроуровне конкретного ландшафта.

Именно здесь, в этом зазоре между политической экономией и материальностью пространства, вступает книга Чари. Его вклад состоит не в том, чтобы оспорить Вольпе или Посел, — он их принимает и на них опирается. Его вклад в другом: он показывает, что апартеид был не только экономической системой и не только политическим режимом, но и пространственным порядком — режимом производства пространства, который можно прочесть, архив за архивом, слой за слоем. Робинсон дал теоретический язык — «расовый капитализм»; Гилмор показала, как расовый капитализм работает через пространство — «пространственное решение кризисов»; Лефевр обосновал, что пространство производится социальными отношениями. Чари берет эти инструменты и прикладывает их к конкретному ландшафту — Южному Дурбану — с эмпирической детализацией, которой нет ни у одного из его предшественников. И, что не менее важно, сопротивление апартеиду — это тоже пространственная практика.

Этот пространственный поворот — не прихоть Чари, а необходимость. Без него невозможно понять тот парадокс, о котором упоминалось вначале: почему спустя десятилетия после победы демократии ЮАР сохраняет статус страны с самым высоким уровнем неравенства. Данные Всемирного банка неумолимы: коэффициент Джини здесь составляет около 0,63 — наибольший среди всех стран, по которым име-

ются данные [31]. Расовое неравенство несколько сократилось, но выгоды от этого сокращения достались преимущественно новой черной элите. Для большинства черных южноафриканцев, а также для «цветных» и индийских жителей таких мест, как Южный Дурбан, пространственная структура апартеида воспроизведена в постапартеидном городе: кто живет рядом с заводами, а кто — на зеленых холмах, осталось в значительной мере тем же. Чтобы это увидеть, нужна не политическая история, а география.

Руины апартеида сегодня: политика памяти и «обратный расизм»

В 2024 г. Южная Африка отметила 30-летие демократии. Юбилей пришелся на время острого кризиса: хронические отключения электричества (так называемый *load shedding*), падение инфраструктуры, скандалы с коррупцией, обнищание большинства при обогащении немногих. И хотя формально расовое законодательство отменено, пространственное наследие апартеида в значительной мере сохранилось. Политическая революция 1994 г. не стала революцией пространственной.

В этих условиях идет борьба за то, как именно помнить и понимать апартеид. Один полюс этого спора можно сформулировать так: апартеид закончился, демократия победила, пора двигаться дальше. Эта позиция удобна тем, кто выиграл от перехода, — новой черной элите, белому бизнесу, политическому истеблишменту АНК. Другой полюс: апартеид продолжается в иных формах — так считают экологические движения Южного Дурбана, обитатели непризнанных поселений, активисты, борющиеся за жилье и чистую воду. Для них «конец апартеида» — миф, который маскирует продолжение расово-пространственного неравенства под демократическим фасадом. Книга Чари — мощный аргумент в пользу второй позиции: она показывает, что руины не метафора, а материальная реальность.

Но есть и третий дискурс — растущий и политически опасный. В последние годы в публичном пространстве — не только в Южной Африке, но и в международных медиа, и в российской информационной среде — распространился нарратив о том, что после 1994 г. белые южноафриканцы стали жертвами «обратного расизма». Тезис об «обратном расизме» опирается на несколько реальных явлений, которые затем идеологически переосмысляются. Фермерские убийства

(plaasmoorde) — действительно серьезная проблема: на фермах гибнут люди, и насилие это должно быть расследовано и пресечено. Но ведь жертвами насилия становятся не только белые фермеры, но в пространстве медиа распространен миф об обратном: якобы преступления — это «геноцид белых». Белая бедность — это реальность: по некоторым оценкам, до 400 000 белых южноафриканцев живут за чертой бедности, в так называемых белых сквоттерских лагерях [32]. Орания — поселение в Северном Капе, основанное зятем Хендрика Фервурда, «архитектора апартеида», где проживает около 2800 человек, исключительно белых африканеров, и которое его жители называют «защитой культуры», а внешние наблюдатели — попыткой возродить апартеид [33]. Все это подается сторонниками нарратива как доказательство того, что в ЮАР возник «новый апартеид» — только теперь уже против белых.

Этот нарратив требует внимательного и честного разбора, потому что смешивание индивидуальных трагедий с системным анализом ведет к опасной исторической ложности. Книга Чари предоставляет для такого разбора незаменимый инструмент.

Во-первых, пространственное неравенство. Чари показывает, что расовое пространство Южного Дурбана производилось более столетия — капиталом и государством, через законы о групповых территориях, через размещение промышленности, через ипотечную политику, через транспортные маршруты. Это пространство не изменилось после 1994 г. Белые южноафриканцы по-прежнему владеют непропорционально большой долей земли и капитала [34]. «Белые сквоттерские лагеря» — реальность для небольшой части населения, но они несопоставимы с системным столетним пространственным лишением миллионов черных, «цветных» и индийских южноафриканцев, которые были принудительно перемещены, загнаны в резервации, бантустаны, тауншипы и чьи дети до сих пор ходят в школы рядом с заводскими трубами. Разве можно сравнивать даже один «раковый кластер» в Меребанке хоть со всеми «белыми сквоттерскими лагерями» вместе взятыми?

Во-вторых, принципиальное различие между системой и индивидуальными преступлениями. Апартеид был системой: Закон о групповых территориях (Group Areas Act), законы о пропусках (pass laws), «бантустанизация», Закон о публикациях (Publications Act), подавление коммунизма (Suppression of Communism Act) — это институциональная структура, пронизывающая все сферы жизни, от рождения до смерти. Убийства на фермах — жестокие преступления, но они не институционализированы, не санкционированы государством, не под-

креплены законодательством. Разница — не в степени страдания (одно убийство — уже трагедия), а в структуре: система и преступление — разные порядки явлений.

В-третьих, категория «дисквалифицированных». Чари показывает, что маргинализация, нищета, насилие, преступность — это не «обратный расизм», а продолжение расового капитализма в новых условиях. «Цветные» жители Вентворта — банды, наркотики, безработица, токсичный воздух — были «дисквалифицированы» не черным правительством АНК, а столетием расово-пространственного производства, которое поместило их именно в это место, именно рядом с этими заводами, без перспектив мобильности. Последствия — не результат «обратной дискриминации», а результат того, что демократия 1994 г. не перестроила пространственный порядок апартеида.

В-четвертых, настоящий масштаб «руин». Книга Чари показывает, что «останки» апартеида — это не белые фермы, а Меребанк и Вентворт: пространства, которые и при апартеиде, и после него остаются зонами отброшенных. Это не белый, не черный, не «цветной» вопрос — это вопрос о том, как расовый капитализм воспроизводит дискриминационные практики.

Тезис об «обратном расизме» возникает только тогда, когда мы забываем пространственную историю. Когда апартеид редуцируется к набору законов, отмененных в 1994 г., — да, можно сказать, что «апартеид закончился». Но когда мы видим, как Чари, что апартеид — это не только законы, но и произведенные им формы территориализации, которые продолжают определять жизнь людей, становится очевидным: отмена законов не отменила ландшафт. Книга Чари позволяет увидеть этот ландшафт — и понять, почему «руины апартеида» не политическая риторика, а физическая реальность.

Метод: палимпсест и четыре конъюнктуры

Главная сила книги заключается не столько в выводах, сколько в оптике. Чари отказывается от привычного линейного нарратива, где события сменяют друг друга в строгой хронологии. Вместо этого он читает пространство Южного Дурбана как палимпсест — пергамен, на котором сквозь новые записи проступает старый текст. Исторические эпохи здесь не вытесняют друг друга, а наслаиваются: лагеря Англо-бур-

ской войны, индийские поселения 1930-х гг., «цветные» кварталы эпохи апартеида и нефтеперерабатывающие гиганты — все это впрессовано в единую территорию. Эти слои невозможно стереть; они проникают друг в друга, образуя ландшафт, который остается читаемым, если знать, как на него смотреть.

Чари заимствует понятие палимпсеста у Эдварда Саида, который, в свою очередь, использовал его для описания того, как колониальное прошлое проступает сквозь постколониальное настоящее [35]. Но Чари идет дальше Саида: у него палимпсест — не только метафора, а метод исследования. Он буквально ведет читателя по кладбищу бывшего концентрационного лагеря Мерепанка, показывает мемориал, обнесенный колючей проволокой после вандализма 1986 г., указывает на надпись: «Из 453 заключенных, скончавшихся в концлагере Мерепанка, здесь похоронены 412 человек, в том числе семь цветных. На памятнике не увековечены те, кто умер после провозглашения мира, а также другие цветные люди. Из похороненных здесь 358 были детьми младше 12 лет» [36]. А затем — через несколько страниц — показывает, как тот же самый ландшафт стал ареной биополитической борьбы: Патриция, общественная активистка Вентворта, обходит дома, выявляет детей из «группы риска», ходатайствует перед корпорациями о финансировании социальных программ — и при этом живет рядом с трубами, из-за которых ее муж умер от лейкемии. От концентрационного лагеря до лейкемии — не случайная последовательность, а один пространственный слой, читаемый через другой.

Второй элемент метода — четыре конъюнктурных момента. Понятие конъюнктуры Чари берет у Стюарта Холла — британского культурного теоретика ямайского происхождения, который использовал его для анализа того, как разные силы — расовые, классовые, гендерные, культурные — сходятся в определенный момент времени, создавая уникальную политическую конфигурацию [37]. Чари переносит этот инструмент на южноафриканский материал и выделяет не стадии (одна за другой), а наложения — одновременные формы борьбы, которые существуют рядом, иногда пересекаясь, иногда противореча друг другу.

Первый — теологически-политический момент (1970-е). Название отсылает к беньяминовскому «Теологически-политическому фрагменту» — идее о том, что мессианское время может прорваться сквозь историческое [38]. В Южном Дурбане 1970-х это сбылось в столкновении двух фигур: Стива Бико, лидера движения «Черное самосознание», и Рика Тернера,

белого радикального интеллектуала, автора утопической книги «Игольное ушко» (1972), призывавшего к «участительной демократии» [39]. Бико и Тернер были убиты — один в полицейском участке в 1977 г., другой неизвестным стрелком в 1978-м. Их идеи питали забастовки докеров и текстильщиков Дурбана 1972–1973 гг., которые стали предвестником массового сопротивления. Важнее, однако, что момент этот — не только 1970-е: Чари показывает, как теологически-политическая рамка — вера, утопия, жертвенность — продолжает действовать в Вентворте и сегодня, в общинной работе женщин-пятидесятниц, подобных Джейн.

Второй — протестный момент (1960–1980-е). Вооруженная борьба: Умконто ве Сизве (КН), военное крыло АНК, партизанские лагеря в Родезии и Анголе, операции Ванки и Сиполило 1967 г., «Меморандум Хани» — критика руководства АНК из лагерей в Анголе [40]. Чари описывает это через Фанона: деколонизация неизбежно насильственна, потому что сам колониализм основан на насилии. Но он же показывает пределы фаноновской рамки, ведь вооруженная борьба была пронизана маскулинным авангардизмом, который отодвинул женщин, и идеологической жесткостью, которая подавляла внутреннюю критику. Протестный момент не исчез — он продолжает жить в культуре насилия Вентворта, в бандитском мироустройстве, где политическое и криминальное неразличимы.

Третий — городской революционный момент (1980-е). Объединенный демократический фронт (ОДФ), созданный в 1983 г. против «трехпалатной» реформы апартеида; гражданские организации — жилищные комитеты, кампании бойкота арендной платы и борьба за улучшение здравоохранения, независимые профсоюзы; и операция «Вула» — беспрецедентный для того времени эпизод организации высокотехнологичной подпольной связи между руководством АНК в изгнании, заключенными и активистами внутри страны [41]. Городской революционный момент — это грамшианская «война позиций»: не фронтальное наступление, а медленное строительство гегемонии снизу, через гражданские организации, через борьбу за жилищные условия, здравоохранение, транспортные тарифы. Но Чари показывает и его пределы: феминистская критика (Ширин Хассим, Джо Билл, Элисон Тодес) вскрыла, что «материальные требования были полностью проигнорированы» [42] — женские заботы о жилье, здоровье, детских садах были отодвинуты политическим авангардом.

Четвертый — дисквалифицированный момент (1980–2000-е). Роберт Макбрайд — боец КН, взорвавший бар Magoo's в Дурбане в 1986 г. (по-

гибли три женщины), приговоренный к смерти, помилованный, ставший комиссаром полиции, арестованный за контрабанду, — фигура, воплощающая неразличимость политики и преступления в постапартеидной Южной Африке [43]. Вентворт, родина Макбрайда, — пространство «дисквалифицированных»: банды, наркотики, безработица, токсичный воздух. Но это же пространство — родина экологического движения (Общественный экологический союз Южного Дурбана, SDCEA), родина фотографов (Омар Бадша, «Письмо Фарзане» (1979) стало манифестом визуального сопротивления) [44].

Четыре момента — не этапы. Они не сменяют друг друга по расписанию. Они существуют одновременно: в Вентворте 2003 г. живет теологически-политическое (пятидесятническая вера), протестное (культура насилия), городское революционное (наследие ОДФ) и дисквалифицированное (банды). Это не четыре разные эпохи, а четыре разных способа читать одно и то же пространство.

Метод палимпсеста позволяет Чари избежать главной ловушки линейной историографии: нарратива «прогресса». Этот нарратив создает ощущение, что апартеид — закрытая глава. Но Чари показывает, что дисквалифицированный момент не исчез с победой демократии. Он продолжает развиваться. Руины не разобраны — в них продолжают жить.

Биополитика и пространство: апартеид как управление жизнью

Одна из самых оригинальных идей книги — то, что апартеид был не просто политической диктатурой и не только экономической системой эксплуатации, но и биополитическим режимом: режимом управления жизнью популяций. Чари берет этот концепт у Фуко и применяет его к конкретному ландшафту Южного Дурбана, где биополитика становится зримой, осязаемой, дышаемой.

В лекциях 1975–1976 гг., изданных под названием «Общество должно быть защищено», Фуко описал переход от суверенной власти к биовласти [45]. Суверен решает: умереть или жить. Бiovласть решает: жить или быть оставленным умирать. Мишенью власти становится не тело индивида (как в дисциплинарной власти), а популяция в целом: рождаемость, смертность, заболеваемость, питание, жилье, продолжительность жизни. Фуко показал, что эта новая форма власти возникает во второй половине XVIII века и связана с развитием статистики, эпидемиоло-

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Чари Шарад РУИНЫ АПАРТЕИДА

Спротивление и надежда в эпоху расового угнетения

Руководитель редакции *Марьяна Терехова*
Ответственный редактор *Лиза Солодовникова*
Выпускающий редактор *Маргарита Бушуева*
Редактор *Людмила Никитина*
Художественный редактор *Ольга Жукова*
Технический редактор *Лидия Синицына*
Корректоры *Ольга Левина, Надежда Быкова*
Верстка *Вера Брызгалова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.09.2026.
Формат 72 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Original Garamond».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,8.
Тираж 1500 экз. М-NWH-34674-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

